

Е. Ю. Красова

ПЕДАГОГИ ВОРОНЕЖСКИХ ВУЗОВ В СОЦИАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ РОССИЙСКОГО КРИЗИСА

Переломное состояние российского общества в целом, института образования в частности видоизменяет характер отношений и образ жизни преподавателей высшей школы. Как они приспосабливаются к новым формам существования, изменяются ли их профессиональный статус, выполняемые роли, общение в кафедральных коллективах, каково их социальное самочувствие, эмоциональный фон жизни и планы на будущее — эти и другие подобные вопросы приобретают особую остроту и значимость в кризисное время.

Исследователи трансформационных процессов, идущих в России, считают, что определяющей характеристикой социального поведения населения стал процесс адаптации, что уровень адаптации к проводимым преобразованиям является наиболее сильным критерием, по которому формируется реальная стратификация российского общества¹. Социально-психологическая адаптация представляет собой активный поиск людьми новых форм приспособления и примирения с обстоятельствами, которые противоречат сложившимся ранее нормам, представлениям и установкам. Процесс включает, по меньшей мере, три стадии: социального шока, мобилизации ресурсов и “ответа” на вызовы внешней среды. Фактически это добровольная и вынужденная адаптация. Каков их удельный вес в среде преподавателей? Какие адаптивные типы людей образуются в ходе освоения новой системы жизни? Эмпирической основой анализа этих проблем стал банк данных, полученный в ходе социологического обследования “Образ жизни преподавателей воронежских вузов”, проведенного осенью 2000 г. лабораторией кафедры социологии и политологии Воронежского госуниверситета². Объект исследования — преподаватели шести высших учебных заведений (600 человек). Применен неслучайный квотный отбор, основанный на типологии кафедр и должностей. Для повышения достоверности собранных социальных фактов используются сравнительные результаты общероссийских опросов, систематически осуществляемых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН и другими исследовательскими учреждениями.

Отправными теоретическими точками для анализа кризисного социума послужили положения:

а) о неудачных преобразованиях в российском обществе 90-х гг. и их болезненных социально-психологических последствиях — дегуманизации общественных отношений: культивировании принципа выживания и успеха в противовес ценностям гуманизма и ненасилия. Среди факторов, препятствующих продуктивной социальной динамике, называют “масштабную криминализацию страны, распространенность нелегальных и полунелегальных способов решения гражданами своих социально-экономических проблем”³;

б) о непомерно высокой социальной цене реформ — прямом ущербе здоровью и жизни людей, сокращению социальных возможностей для большей части населения, ущемлению прав и достоинств человека⁴;

г) об институте науки и образования как сфере социального риска. В высшей школе на протяжении десятилетия идет процесс сокращения штатов и финансирования, закрываются научные темы, беспрерывно меняются стандарты обучения, что не способствует жизненному оптимизму работников и солидарности коллектив в целом. С тезисом о том, что в вузовской среде г. Воронежа преобладают тревожные настроения из-за нестабильности и неблагоприятной ситуации, сложившейся в высшей школе, согласилось абсолютное большинство наших респондентов.

И. Дискин, анализируя модель социальной трансформации в России, назвал характер адаптационных процессов кризисным. После дефолта августа 1998 г. примерно 10 % населения успешно адаптировались, еще 15—20 % готовы к адаптации, если возникнут более благоприятные условия, 30 % — социальные аутсайдеры, не в силах поменять свою модель социального действия. Делается вывод о том, что примерно для половины жителей страны в целях успешной адаптации необходимы существенные изменения в функционировании формальных и неформальных институтов⁵.

У российского населения складываются определенные способы приспособления к формирующимся рыночным отношениям. Условная схема адаптивных типов выглядит следующим образом:

1. “Повышающая адаптация” охватывает тех, кто открыл для себя эффективные возможности, обрел новые инструментальные средства для удовлетворения собственных растущих запросов.

2. “Понижающая адаптация” вынуждает “вертеться”. Такие люди используют непривычные для себя и трудозатратные средства для поддержания имеющегося или сниженного статуса.

3. “Изолирующая адаптация” характерна для тех, кто нахо-

дит определенную привычную нишу, стараясь отгородиться от перемен (происходящие перемены им не видны или кажутся малозначительными).

4. “Разрушающая адаптация” свойственна тем, кто определяет свое положение термином “не могу приспособиться”, т. е. людям, вынужденным предельно снижать уровень собственных запросов и статусных притязаний⁶.

В теоретических разработках проблем прохождения глобальных процессов через судьбы людей современные российские социологи иногда расставляют и другие акценты. Так, Н. Е. Тихонова особо выделяет влияние социально-психологических личностных качеств на статусные позиции — наличие или отсутствие мотивации к достижению, инициативность, индивидуалистическое сознание⁷. Эти и другие аналогичные размышления концентрируются, как нам кажется, на поиске тех самых “ответов” человека на продолжительные стрессовые ситуации, связанные с запаздывающей модернизацией российского общества⁸, которые и составляют тему настоящей статьи.

Как правило, типичной реакцией на чрезвычайные условия жизни в обществе является усиление особого типа социального стресса — потеря мотивации. Однако преподавательская работа — вид деятельности, отличающийся своей автономностью и креативностью, это — своеобразная “игровая” профессия. Люди науки и искусства обладают особыми стимулами для успешного восприятия новых реалий. Мы находим подтверждение данному факту в общероссийских исследованиях. Отмечаются высокая значимость для интеллигенции содержания работы и распространенность индивидуалистических установок⁹. Наше исследование показало, что полностью недовольны своей работой лишь около 4 % опрошенных преподавателей (треть не удовлетворены в той или иной мере). В основном разочарование касается социально-экономического положения высшей школы — оплаты труда и его условий (состоянием аудиторий, переходами из корпуса в корпус, “окнами” в расписании, отсутствием комнат отдыха преподавателей и т.д.), значительной интенсивности учебной нагрузки. Привлекает в работе, прежде всего, ее творческий характер, возможность реализовать свои способности и наличие вокруг интересных содержательных людей. Это и есть те мощные стимулы, которые, по-видимому, помогают людям данной профессии справляться с запрограммированной в ходе реформ фрустрацией “несовместимого статуса” (при высоком образовательном уровне снижены престиж труда и доходы). Такие стимулы могут сглаживать острые переживания несправедливости оценки своего положения в обществе.

Основной формой социальной адаптации стала для вузовских педагогов вторичная занятость. Только у 5 % не оказалось дополнительного приработка, 41 % имеют эпизодический заработок в других местах, 18 % постоянно работают в других вузах и организациях, 11 % занимаются репетиторством (женщин-репетиторов среди опрошенных — 17 %). Репетиторство распространено среди ассистентов (20 %) и отсутствует как вид заработка у профессоров. Треть всех преподавателей получают продукты питания с собственных садово-огородных участков. Как видно, у большинства все это — традиционная занятость, получившая юридическую свободу. Интенсивно осваивают рыночные отношения примерно 15 % преподавательского состава вузов. Они имеют доходы от грантов (11 %) или предпринимательской деятельности (4 %). Средства от грантов в первую очередь получают профессора (27 %).

Если рассматривать разницу между вузами города по данному показателю, то постоянный заработок в других местах имеют, прежде всего, преподаватели ВГУ (26 %) и ВГПУ (22 %). Садово-огородные участки — прерогатива Агроуниверситета и Лесотехнической академии. Репетиторством занимаются больше всего преподаватели Педагогического университета (17 %) и Технологической академии (15 %). Такой источник материального обеспечения, как гранты, характерен для ВГУ (23 %), ВГАСУ (9 %) и в меньшей степени используется в других вузах. Предпринимательской деятельностью в основном заняты педагоги ВГАСУ (9 %) и ВГТА (5 %).

Ответы на вопрос о том, что дает преподавателям дополнительная работа, демонстрируют характер происходящего процесса адаптации. Без сомнения, для абсолютного большинства — это вынужденное приспособление (табл. 1)

Т а б л и ц а 1

*Основные мотивы вторичной занятости, %**

Мотив	%
Обеспечение прожиточного минимума	52
Средства для приобретения предметов длительного пользования	21
Возможность содержать семью выше прожиточного минимума	20
Возможность оказания помощи свои детям (внукам)	19
Возможность приобретения лекарств	15
Средства для обучения детей	12
Деньги для отдыха, туристической поездки	6

* Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли отмечать несколько пунктов

Как видно, наибольший удельный вес в оценках преподавателей занимают мотивы, связанные с удовлетворением, первичных потребностей — поддержания физической жизни.

Любопытно также, что для 6 % дополнительная работа — подстраховка на всякий случай (сокращение штатов). И лишь немногим более 2 % преподавателей отметили, что дополнительная работа более перспективна в план карьеры.

Криминализация общественных отношений в стране создает условия для распространения девиантной формы адаптации населения. Отсутствие условий достойного существования порождает у части людей стремление искать не только социально одобряемые пути выживания. Современный россиянин — “человек лукавый”, двоемыслие по-русски — это несчетные варианты нормативных конфликтов на всех уровнях человеческого существования и самосознания¹⁰. Для системы образования “лукавым” способом поведения является получение подарков и денег от студентов взамен знаний и информации, которые они должны иметь по сдаваемой учебной дисциплине. Пытаясь прояснить ситуацию со взяточничеством, мы отчетливо осознавали трудность получения достоверной информации об этом остром социально-психологическом явлении. Был задан вопрос: “Предположим, Вы знаете, что Ваш коллега принимает дорогие подарки, деньги от студентов. Каков Ваше отношение к этому?”. По удельному весу оценок преподаватели вузов распределились на пять групп:

1. Осуждающих явление (не соответствует моим принципам) — 47 %.
2. Избегающих давать оценку — 24 %.
3. Безразличных (меня это не касается) — 17 %.
4. Оправдывающих взятки (уровень оплаты преподавателей низкий, можно сч^тать это дополнительным заработком; в этом нет ничего предосудительного, лишь бы никто не узнал; считаю это нормой) — 10 %.
5. Не считающих взятку нормой, но осознающих, что ситуация в стране способствует распространению явления — 2 %.

Итак, получилась довольно грустная социальная картина, в которой только около половины преподавателей (предполагаем, что их примерно на статистически “престижные” 10 % меньше) заняли прочную позицию неприятия уголовно наказуемого явления. Другие же пассивно (чаще всего) или активно ориентируются на этот криминальный путь приспособления (табл. 2).

Отношение преподавателей воронежских вузов к взяткам, (%)

Группы преподавателей	Вузы					
	ВГУ	ВГПУ	ВГАУ	ВГАСУ	ВГЛТА	ВГТА
Осуждение взятки	52,8	56,8	52,8	40,0	39,6	25,6
Избегающие оценивать	16,5	22,2	23,6	26,7	37,7	37,2
Безразличные	18,3	12,3	14,6	21,3	11,3	23,1
Оправдывающие взятки	9,7	7,4	9,0	9,3	11,3	14,1

*В таблицу не вошла еще одна группа преподавателей, так как ее характеризуют статистически малозначимые показатели

Статистически значимые различия очевидны в группах “осуждающих взятки” и “избегающих оценивать”: преподаватели ВГПУ, ВГУ и ВГАУ занимают более жесткие позиции и менее равнодушны, нежели педагоги ВГТА и ВГЛТА (количественные показатели — более чем в два раза). Безразличие проявляют в большей мере преподаватели Технологической академии и Архитектурно-строительного университета, чем Лесотехнической академии и Педагогического университета.

Чрезвычайная ситуация приводит также к ухудшению психологического самочувствия людей. У части преподавателей наблюдаются симптомы невроза. На вопрос: “Бывает ли у Вас состояние раздражительности, нетерпеливости, рассеянности, тревожности, нарушения сна и каких-либо других проявлений дискомфорта?” 12 % ответили, что это их постоянное самочувствие в последнее время. Еще 77 % назвали такое состояние периодически возникающим. Исследование подтверждает мысль о социальном происхождении невроза: преподаватели с более низким статусом, соответственно зарплатой и возможностями, чаще отмечают у себя тревожные симптомы.

В каком эмоциональном поле живут педагоги воронежских вузов? Серьезными теоретическими дискуссиями последних десятилетий подтверждается важность роли эмоций для адаптации в специфических условиях жизни. Вслед за создателем теории дифференциальных эмоций К. Э. Изард и другими социальными психологами мы опираемся на идею о том, что развитый эмоциональный интеллект повышает способность человека распоряжаться возможностями, соответствовать требованиям и противостоять угрозам социальной и физической среды¹¹.

Если по данным общероссийских опросов в общественном мнении преобладает набор негативных эмоций — обиды, отчаяния, страха¹², то в нашем исследовании на первые места по удельному весу ответивших вышли чувства собственного достоин-

ства (25 %), надежды (21 %) и свободы (21 %). Причем почувствовали свободу 42 % профессоров. В предложенном наборе чувств, окрепших у респондентов за последние годы, также выделяются ощущения не востребованности знаний и способностей, безразличия и растерянности. Надо заметить, что наблюдаются гендерные различия: у женщин-преподавателей большее развитие получало чувство собственного достоинства (32 %). В то же время основной мужской (и профессорской) “болью” стала не востребованность знаний и способностей. Подобное чувство окрепло в последние годы в большей мере у преподавателей таких вузов, как ВГАУ, ВГАСУ и ВГЛТА. Одиночество и страх выделили среди своих ощущений ассистенты и преподаватели гуманитарных дисциплин.

Впервые в нашем исследовании была сформулирована гипотеза о расширении питательной среды для такого неприязненно-враждебного чувства, как зависть. На наш взгляд, выявление высоких показателей развития этого разрушительного социального феномена в определенной мере дает представление о степени социального аутсайдерства преподавательской страты. Завидующий интерпретирует чужой успех как свое поражение, а свое положение считает еще более плохим, чем на самом деле. Явление зависти выражается на трех уровнях — мышления (осознание своего положения как более низкого), эмоциональных переживаний — чувстве досады, раздражения или злости и реального поведения — разрушительного, направленного на предмет зависти.

По данным общероссийских опросов лишь 4 % населения никому не завидуют. Чаще всего завидуют богатым, удачливым, занимающим высокое положение, молодым и здоровым, талантливым и умным, свободным и независимым¹³.

Что касается преподавателей воронежских вузов, то 12 % опрошенных твердо заявили, что они не наблюдали зависти в кафедральных межличностных контактах. Остальные раскрыли ее причины. По удельному весу они распределились следующим образом (рис 1.).

Рис. 1 демонстрирует тот факт, что ведущими мотивами зависти являются успешность коллеги в профессиональной деятельности¹⁴ и сопутствующие ей факторы, в том числе, и ненормативного свойства.

Менее значимыми оказались параметры “приобретение коллегой дорогостоящей вещи (8 %) и “семейное благополучие сотрудника” (4,5 %). Респонденты могли отмечать несколько пунктов.

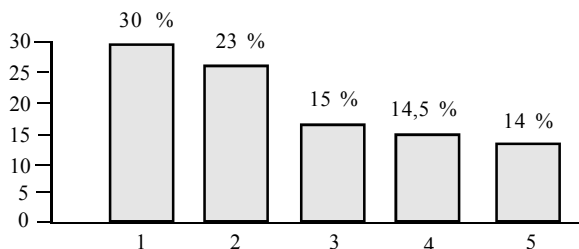

Рис. 1. Причины зависти в межличностных отношениях:

- 1 — различия в получении доходов и материальном положении;
- 2 — неодинаковый уровень профессиональных способностей;
- 3 — быстрое служебное продвижение коллеги;
- 4 — попустительство и избирательность со стороны руководителя по отношению к кому-то из сотрудников;
- 5 — способность коллеги адаптироваться к новым условиям работы и жизни.

Подобные негативные чувства способствуют развитию депрессивных состояний. В преподавательской среде также распространяются психологические расстройства, связанные с восприятием и функционированием денег. Тонкий психолог — писатель-фантаст Роберт Хайнлайн вложил в уста человека, воспитанного на Марсе, слова о том, что деньги — это “символы идеи, которая правит людьми и их миром... это управляющая, уравновешивающая, сближающая сила”¹⁵. Действительно, экспериментальные исследования установок по отношению к деньгам за последние 20 лет выявили интересные феномены. Так, в группе “материально неудовлетворенных” испытуемых частота эмоциональных и психосоматических заболеваний была значительно выше, чем в группе “материально удовлетворенных”. Испытуемые, имеющие более низкий уровень денежных притязаний, демонстрировали также большую удовлетворенность жизнью¹⁶. По результатам опроса, проведенного в Великобритании и России в 1996—1998 гг., более половины российских респондентов признают у себя наличие тех или иных симптомов денежной патологии. Наши соотечественники избегают говорить о своих доходах с друзьями и близкими и вообще чувствуют неловкость при обсуждении денежных вопросов. Стремление отложить деньги на черный день и купить любую вещь, как можно дешевле, распространено среди 70 % россиян¹⁷. Абсолютное большинство воронежских преподавателей согласилось с утверждением, что в их ближайшем окружении многие ощущают чувство тревоги по поводу денег и экономят на мелочах (87 %). Верность тезиса “о

приобретении дорогостоящей вещи лучше не рассказывать коллегам, чтобы не породить зависть” подтвердили 57 %.

Порочный круг депрессии выглядит так: “негативные переживания ® сосредоточение на себе и самообвинение → депрессивное настроение ® последствия в поведении и познании”. Замкнутый, хмурый, выражающий недовольство и недоверие человек не может добиться расположения других и, как правило, менее успешен в жизни и профессии. У него развивается негативизм мышления (излишняя критичность по отношению к себе). Известно, что иллюзии в пользу собственной личности выполняют адаптивную функцию, так как психическое здоровье является результатом позитивной самооценки и в определенной степени нереалистичного оптимизма¹⁸. Соответственно выглядит и социальное самочувствие преподавателей в условиях серьезных перемен во всех сферах жизни. Только пятая часть опрошенных чувствует себя уверенно, и особых проблем у них нет. 38 % приспособляются, но с трудом, и ими порой овладевают сомнения в своих силах. Наконец, никак не могут привыкнуть к новым отношениям и ощущают растерянность и тревогу 16 % преподавателей воронежских вузов. У четверти всех респондентов вопрос вызвал затруднение. Уверенность возрастает с ростом должностного статуса.

Важно заметить, что нарисованная картина — это ситуация коллективного, а не индивидуального стресса, причинами которого являются массовые лишения в результате масштабных социальных событий (не обязательно состояние войны или голода, но и экономической депрессии, бедности, закрытия предприятий и т.п.)¹⁹.

Социальные контексты российского кризиса способствуют ухудшению взаимоотношений людей, делая их более напряженными и отчужденными. Однако преподавательская работа, как уже было сказано, — специфический вид деятельности, отличающийся от обычного своей автономностью. Даже социометрические показатели нормы сплоченности вузовского коллектива значительно ниже коллектива, к примеру, производственного. Поэтому можно предположить, что разрегулированность общественных отношений в целом оказывает не столь существенное влияние на межличностные контакты преподавателей на работе. Проверим это количественными показателями.

Удовлетворенность взаимоотношениями на кафедрах представляет собой довольно яркую демонстрацию данного факта — 85 % опрошенных. Некоторые колебания (скорее удовлетворены, чем

нет) высказали 37 %. Несмотря на то, что не удовлетворенными оказались менее десятой части всех преподавателей, наблюдаются некоторые различия между вузами города, типами кафедр, представителями разных полов и должностей. Преподаватели ВГТА наиболее недовольны складывающимися отношениями (10 %), в то время как в ВГАСУ таких всего 3 %, а в ВГЛТА не оказалось вовсе. В Воронежском госуниверситете — 6 % недовольных. Среди кафедр, которые представляют собой наиболее слабое звено по данному показателю, выделяются общеузовские коллективы физкультуры, иностранного и русского языка (“другие”). В них неудовлетворенность сложившимися взаимоотношениями составляет 17 %. Среди преподавателей-мужчин в два раза меньше неудовлетворенных, чем среди преподавателей-женщин. Наконец, заведующие кафедрами и ассистенты высказали большее неудовлетворение, чем представители других преподавательских должностей.

Важным параметром взаимоотношений является оценка ситуаций сплоченности коллектива. Она подчеркивает работу традиционных солидарностей людей, основанных на нравственных факторах. В то же время через эти показатели ярко проявляются последствия кризиса всей системы образования и расшатывания самих основ педагогической деятельности — падение мотивационных стимулов к преподавательскому труду, снижение уровня организационной и методической работы на кафедрах. Возможные ситуации сплоченности коллектива подразделяются на три группы: а) эмоционально-личностные (в отношении коллеги, попавшего в беду; если надо заменить заболевшего; в свободное от работы время); б) деловые межличностные (при обсуждении диссертаций, научных работ, во время избрания по конкурсу, при оценке деятельности коллег); в) административно-деловые (при обсуждении проблем учебного процесса, при отстаивании интересов кафедрального коллектива). Первенство удерживают эмоционально-личностные ситуации. Больше всего сплывают “беды” (54 %) и болезни (39 %). Очевидно, что это и традиционность во взаимоотношениях, и характерные формы совместной деятельности последних лет, связанные с трудностями поддержания физического существования. В то время как оценка сплоченности в свободное время один из самых незначительных показателей (14 %). Единственный вуз, в котором преподавателей в большей мере сплывает совместный досуг, — Лесотехнический (21 %). Несмотря на некоторую противоречивость данных, просматривается следующая тенденция: более низ-

кие показатели сплочения — в учебно-организационной работе кафедрального коллектива. Так, обсуждение проблем учебного процесса спланирует коллектив лишь по мнению 30 % опрошенных, отстаивание интересов кафедры — 28 %. Самый низкий показатель сплочения, наряду со свободным временем, имеет “оценка” научно-педагогической деятельности коллег (13 %; именно здесь проявилась самая высокая степень безразличия и равнодушия друг к другу). Наблюдаются поляризации, свидетельствующие о вузовской ориентации. Например, в Технологической академии ситуации беды спланируют 41 % сотрудников, в ВГУ и ВГПУ — 61 %, отстаивание интересов кафедрального коллектива как фактор тесных взаимоотношений отмечено 17 % преподавателей ВГТА, 33 % сотрудников ВГУ и 37 % — ВГЛТА.

В исследовании была поставлена задача выявления степени партнерства и конфликтности отношений преподавателей между собой. Полученные данные свидетельствуют о наличии определенной напряженности в межличностных отношениях, о латентности происходящих конфликтов. Около четверти всех опрошенных считают, что в их кафедральных коллективах за последние годы конфликтов не наблюдалось. Остальные среди причин возникающих конфликтов чаще всего называют те, которые зависят от акцентированных личностей, например 44 % назвали главной причиной присутствие конфликтного человека. По удельному весу еще два показателя конфликтности весомы — распределение педагогических нагрузок и отношение преподавателей к своим обязанностям. По оценкам респондентов, больше всего конфликтных людей оказалось в двух вузах: ВГПУ (62 %) и ВГАСУ (55 %). Распределение педагогических поручений является причиной разногласий в большей мере в ВГТА и ВГАУ (около 26 %). Педагогический университет и Лесотехническая академия представили как более существенный показатель причин конфликтов отношение преподавателей к своим обязанностям (24 %). Среди типов кафедр выделяются коллективы физкультуры и иностранного языка. Только 6 % их сотрудников считают, что за последние пять лет конфликтов не наблюдалось (ср. с естественнонаучными кафедрами — 31 %); главными причинами конфликтов назывались: присутствие конфликтного человека (65 %), обострение конкуренции при замене должностей (42 %; с обществоведами — 6 %), зависть — 23 % (средний показатель 13 %).

Каким образом разрешаются кафедральные конфликты? (табл. 3).

Способ разрешения межличностных конфликтов на работе	% ответивших
Никакой: конфликты тлеют и проявляются в частных разговорах	27
Компромиссе, уступки друг другу	20
Возникающие противоречия спокойно обсуждаются, идет поиск их решения	15
С помощью зав. кафедрой или третьего лица	9
Случаются ссоры, крики и грубые оскорбления	4
Примечание. Еще 9 % утверждают, что конфликты ситуаций на кафедре не бывает, а 16 % не стали отвечать на данный вопрос.	

Чаще всего кафедральные конфликты — скрытые, они тлеют и проявляются в частных разговорах. В особенности это характерно для Архитектурно-строительного университета (41 %). Следующий по удельному весу показатель — компромисс (20 %), т.е. чисто временное соглашение, сохраняющее межличностные противоречия. В большей мере, чем другие вузы, отличается компромиссностью Лесотехническая академия (31 %). Примерно 15 % респондентов всех вузов считают, что у них на кафедрах открыто и спокойно обсуждаются возникшие противоречия и идет поиск их решений. Есть существенные отличия по данному показателю между ВГАУ (26 %) и ВГТА (8 %). Около 4 % опрошенных по всем вузам говорят о ссорах и грубых оскорблениях, которые случаются на кафедрах.

Гипотеза об уменьшении степени доверительности межличностных отношений в кафедральных коллективах, поставленная в программе исследования, не нашла однозначного подтверждения. Лишь треть опрошенных без колебания согласилась с тезисом о том, что в последние годы контакты стали более отчужденными. Еще треть выразила неуверенность по данному поводу, остальные же категорически “не согласны” или “не задумывались”. Вместе с тем обстановка в разных вузах города неодинакова (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Оценка преподавателями степени доверительности межличностных отношений на кафедре, %

Вуз	В последние годы стало меньше доверительных отношений между сотрудниками на кафедре			
	Согласен	Не совсем согласен	Не согласен	Не задумывался
ВГУ	29,3	39,5	22,3	8,8
ВГПУ	23,8	32,5	31,3	12,5
ВГАУ	36,0	37,2	14,0	12,8
ВГАСУ	37,5	30,6	19,4	12,5
ВГЛТА	30,2	35,8	18,9	15,1
ВГТА	41,3	31,3	15,0	12,5

Большее доверие друг к другу проявляют преподаватели Педагогического университета, в то время как в Агроуниверситете и Технологической академии доверительности значительно меньше.

Интересно было выяснить, каковы мотивы установления и развития дружеских отношений. В большинстве наших предыдущих исследований разных социальных групп на первые два места всегда выходили духовно-нравственные и эмоциональные мотивы, а прагматические отходили на задний план. Данное исследование преподавательского контингента показало: да, духовная субстанция, как всегда, превалирует. Как правило, опрошенные отмечали, что привлекают доброта, порядочность, честность, общее представление о людях и жизни. Однако эмоциональность была потеснена. Удельный вес прагматических мотиваций оказался гораздо больше — 41 % (партнеры — интересные люди, основа отношений — деловые связи), чем эмоциональных — 32 % (нас связывают годы дружбы, не хочу быть в одиночестве). Интересно, как в зависимости от должностного статуса возрастает ориентация на деловые связи (рис. 2).

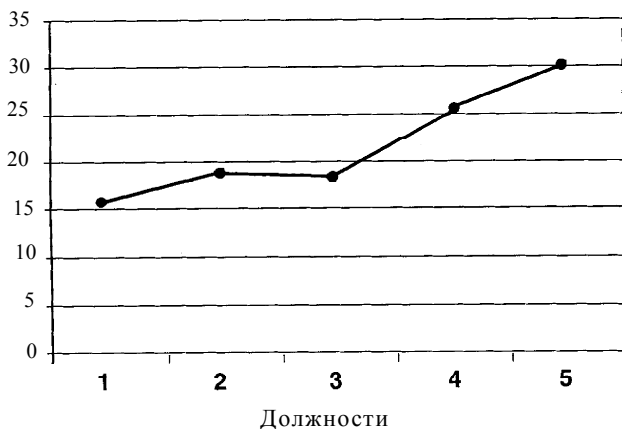

Рис. 2. Деловые связи как мотив дружеских отношений в зависимости от должности: 1 — ассистент, 2 — старший преподаватель, 3 — доцент, 4 — профессор, 5 — зав. кафедрой

Очевидно, что должностная роль переориентирует людей на прагматизм в отношениях. Деловые связи и реальная возможность решения жизненных проблем являются основой взаимоотношений для 16 % ассистентов, 26 % профессоров и 30 % зав. кафедрами.

В ходе исследования был проведен анализ ассоциаций преподавателей, связанных с повседневными взаимоотношениями. Им было предложено выбрать характерные пословицы и поговорки. Мы предположили, что такие из них, как “Лучше открытый упрек, чем тайная злоба”, “Беда не страшна, когда есть друзья”, “Разумный человек ставит себе предел даже в добрых делах” характеризуют общецивилизационную, универсально-гуманистическую направленность взглядов на отношения людей. Такие как “Один за всех, все за одного”, “Не имей сто рублей, а имей сто друзей” и “Общественное благо — высший закон” отражают потребности в общении, принятые в обществе, основанном на традициях, обычаях, коллективистских принципах. “Ты мне, я тебе”, “Дружба дружбой, а табачок врозь” — это расчет и прагматика в отношениях. “Худой мир лучше доброй ссоры” и “Дружба дружбой, а служба — службой” — это конформистский тип ориентации на контакты в группе. Наконец, “Моя хата с краю, я ничего не знаю”, “Каждый выживает в одиночку” и “Все хорошее о себе говори сам, плохое о тебе скажут твои друзья” ассоциируются с поведением людей, отклоняющихся от норм общезнания. На основании этого условно были выделены типы ориентации, выражающие главные принципы общения в целом. По удельному весу респондентов, выбравших тот или иной тип ориентации, можно судить о тенденциях, проявляющихся в общении преподавателей в ходе происходящей реформации общества (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Тенденции формирования коммуникативных ориентации преподавателей, %

Ранговое место по удельному весу	Тип ориентации	Доля респондентов, выбравших данный тип ориентации
1	Универсально-гуманистический	71
2	Конформистский	71
3	Традиционно-архаический	48
4	Девииантный	29
5	Рационалистический	23

Как видно из табл. 5, направленность формирования коммуникативных ориентации отличается противоречивостью: наряду с большим удельным весом универсально-гуманистических ориентаций много конформистских настроений. Третье ранговое место занимают традиционные взгляды на межличностные отношения (48 %). Более четверти опрошенных склонны к отклоняющемуся типу общения. И, наконец, “рационалистов” оказалось меньше всего — 23 %.

Несомненно, социальные контакты сегодня стали более сложными и противоречивыми. Межличностное общение преподавателей воронежских вузов на работе отличается следующими специфическими чертами. Эмоции как главный мотив контактов уступают свое место прагматизму. Развивается тенденция разрушения межличностной сферы коммуникации, касающейся самой преподавательской деятельности, видно, что здесь менее всего сплочены кафедральные коллективы, больше удельный вес конфликтов. Солидарность проявляется в проблемах выживания в сложных условиях реформирования высшего образования, но сократилась значимость совместных учебно-научно-организационных дел в сплочении преподавателей на работе, причем, судя по всему, данная ниша не заполняется совместным досугом.

Вместе с тем мы не находим в среде педагогов высшей школы г. Воронежа подтверждения выводу ВЦИОМ о трансляции социально-психологических барьеров и дистанций между людьми в российском обществе, о социальной версии “астенического синдрома” — неспособности и нежелании воспринимать “чужие” беды и страдания²⁰. Симптоматично в связи с этим, что среди общественных проблем, которые тревожат преподавателей больше всего, одно из главных мест занимает “падение нравов в обществе” (рис. 3).

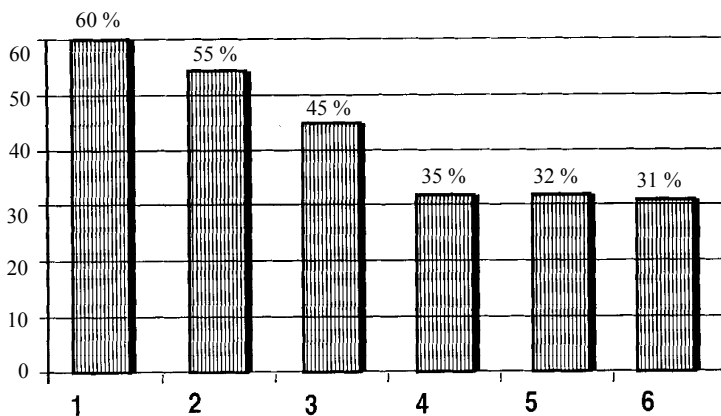

Рис. 3. Стороны жизни общества, вызывающие беспокойство преподавателей: 1 — преступность; 2 — падение нравов в обществе; 3 — рост цен, 45; 4 — отсутствие продуманной программы вывода России из кризиса; 5 — незащищенность прав и свобод человека, 6 — снижение культурного уровня

Достаточно интенсивно идет процесс смены ценностных ориентиров, что сказывается и на коммуникации. Большинство опрошенных преподавателей принимают модернизированные

нормы общения, но переходность общественных отношений влияет на усиление конформизма и рост девиации. В кафедральных коллективах получает распространение такой разрушительный социальный феномен, как зависть, сигнализирующий об опасности маргинализации слоя преподавателей высшей школы.

Особое значение для анализа процессов приспособления к новому образу жизни имеет проблема оценки перспектив на будущее. Хронические кризисы, истощая материальные и финансовые ресурсы в обществе, с неизбежностью ослабляют чувство возможного у людей, тем самым снижая их готовность к преодолению жизненных трудностей. “Надежда влияет на восприятие человеком критических ситуаций как вызова, а не как угрозы, — справедливо отмечает исследователь феномена “надежды” К. Муздыбаев. — Благодаря именно такому восприятию трудностей начинается креативный процесс”²¹. Эмпирические данные показывают, что лишь около 12 % преподавателей с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее. У 39 % нет особых иллюзий, но они сохраняют душевное равновесие. Вызывает беспокойство большое количество настроенных тревожно, неуверенно и даже отчаявшихся — 40 %. Это и понятно, ведь у 42 % преподавателей, по их оценкам, денег хватает лишь на приобретение недорогих продуктов и скромной одежды, у пятой части всех опрошенных нет и этого²². А ведь есть еще важные профессиональные нужды — соответствующая (а отнюдь не “скромная”) одежда, научная литература, электронная техника и т.п. Интересно, что тревожатся по поводу будущего в большей мере старшие преподаватели и доценты.

Настрой на будущее неоднозначен и у работников разных вузов (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Оценка преподавателями Воронежских вузов надежд на будущее, %

Как следует из табл. 5, по количеству “оптимистов” выделяется Педагогический университет — 22 % (в среднем по вузам

12 %). Тревожных и неуверенных оказалось больше всего в Агроуниверситете, Лесотехнической академии и Воронежском госуниверситете.

Что же может помешать, по мнению педагогов вузов, в осуществлении их жизненных планов? “Ничто не может помешать, все зависит от меня” — ответили 13 % опрошенных. Фактически эти цифры совпадают с количеством оптимистов (25 % — это профессора). В ВГАСУ, ВГПУ и ВГАУ уверенных в своих силах оказалось больше, нежели в ВГТА и ВГЛТА. Остальные ответы по удельному весу распределяются в зависимости от группы факторов, к которым они имеют отношение:

- *Первое место* среди барьеров в осуществлении жизненных планов по оценкам преподавателей занимают факторы социально-экономического состояния общества в целом и высшей школы в частности (политическая и социально-экономическая ситуация в стране, материальное положение преподавателей, плохие условия труда в вузах).

- *Второе место* заняла производная из вышеуказанных характеристик — состояние здоровья.

- *В меньшей степени* оказались значимы факторы складывающихся общественных и внутривузовских отношений (связи с нужными людьми, конкуренция, недоброжелательность окружающих, несправедливое отношение руководства) и внутриличностные характеристики преподавателей (недостаток воли и настойчивости, неумение общаться и располагать к себе людей и др.).

В трудных жизненных обстоятельствах 13 % опрошенных преподавателей рассчитывают исключительно на себя и свои силы. Большинство остальных опираются на ближайшее окружение — семью, друзей, коллег. Вузовская организация вызывает доверие в этом смысле у 8 % респондентов. Причем наибольший показатель таких надежд у преподавателей Лесотехнической академии. Классического и Педагогического университетов, наименьший — в Технологической академии и Архитектурно-строительном университете. На помощь государства рассчитывают около 2 % всех преподавателей.

Таким образом, педагоги воронежских вузов находятся в социальных контекстах кризиса перемен²³, что проявляется в:

- чрезмерной по нагрузке вторичной занятости, не оставляющей времени на самосовершенствование в профессии и полноценный отдых, досуг (по наблюдениям, некоторые наиболее активные индивиды работают в пяти-шести вузах одновременно, другие же дедовскими способами возвращают овощи-фрукты на собственных участках);

- криминализации материальных, экономических отношений. Недаром социологами отмечается провал в ходе реформ продуктивных моделей социально-экономической деятельности (основанных на профессионализме и квалификации) и, наоборот, успех полукриминальных, что не только исключает социальную динамику общества, но и несет угрозу социальной стабильности²⁴.

- социальной невротизации и скрытой конфликтогенности контактов на работе.

Несмотря на это, часть преподавательского состава в ряде сфер их жизни успешно приспосабливается к переменам. Однако велико еще число преподавателей, у которых наблюдается социально-психологическая нестабильность, порождаемая неудовлетворенностью собственным социальным статусом, не востребованностью знаний и способностей, растерянностью, завистью к более удачливым коллегам. В то же время, появляются новые социальные роли (грантосоискатель, предприниматель) и видоизменяются старые (человек с чувством собственного достоинства и внутренней свободы, вторично занятый в профессиональной области). Иными словами, в социальном плане приспособление идет более успешно, что же касается психологического самочувствия, то здесь для многих характерны дезадаптивные тенденции — развитие ощущений неблагополучия в жизни и профессии (социальная версия невроза).

Подведем итоги.

Во-первых, по мере того, как деструктивные процессы в высшей школе становятся длительным и привычным явлением, у преподавателей и научных работников притупляется ощущение статусной несовместимости, а статусной согласованности большинство из них пытаются достичь с помощью индивидуальных жизненных стратегий — дополнительной занятости.

Во-вторых, для успешной адаптации необходимы существенные изменения в функционировании формальных институтов в стране и, прежде всего, института образования. Как отмечает Н. М. Плискевич, “новому обществу должна соответствовать новая институциональная среда. Пока такая среда, к сожалению, не только не создана, но и старые по сути своей институты пытаются использовать для реализации прокламируемых реформаторами функций, а это не может не вести к росту напряженности и к искажению заявленных ценностей”²⁵. У самих же преподавателей адаптационные способности и потенциал достаточно велики. С определенной долей условности²⁶ мы можем представить модель типов адаптации педагогов Воронежской высшей школы:

- “повышающая адаптация” — до 15 %;
- “понижающая адаптация” — до 55 %;
- “изолирующая адаптация” — до 15 %;
- “разрушающая адаптация” — до 15 %.

В-третьих, известно, что эффективные стратегии общественных преобразований базируются, прежде всего, на добровольной адаптации людей. К сожалению, можно констатировать, что приспособление к новым условиям существования преподавателей воронежских вузов носит в значительной мере вынужденный характер.

В-четвертых, вместе с тем, представляется, что в триаде жизненного цикла “фрустрация—адаптация—личностный рост” большинство вузовских преподавателей находится на стадии адаптации. Именно этот процесс в настоящее время стал определяющей характеристикой поведения данного социального слоя.

¹ См.: *Аврамова Е. М.* Социальная мобильность в условиях российского кризиса // *Обществ. науки и современность.* 1999. № 3. С. 189; *Беляева Л. А.* Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // *Социол. исслед.* 2001. № 6. С.44—45; *Левада Ю. А.* Homo Post-Soveticus // *Обществ. науки и современность.* 2000. № 6. С. 5.

² См.: Эмпирические исследования социального положения преподавателей высшей школы — довольно редкое явление. Подобным примером служит работа социологов г. Томска. См.: *Бондаренко Л. Ю.* Изменения в структуре и социальном статусе преподавателей высшей школы // *Социол. исслед.* 2000. № 10. С. 125—127.

³ *Аврамова Е. М.* Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998. С. 187.

⁴ См.: *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: Беда, вина или ресурс человечества. М., 1999. С. 30.

⁵ См.: *Дискин И.* Российская модель социальной трансформации // *Pro et Contra.* 1999. Т. 4. № 3; *Три века отечественных реформ.* М., 1999. С. 5—40, 34.

⁶ Используется предложенная доктором философских наук, директором ВЦИОМ Ю. А. Левадой классификация адаптивных типов, преобразованная в соответствии с параметрами нашего исследования. См.: *Левада Ю. А.* Указ. соч. С. 10.

⁷ См.: *Тихонова Н. Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999. С. 88.

⁸ См. подробнее: *Горшков М. К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000. С. 77—104; *Наумова Н. Ф.* Указ. соч. С. 25.

⁹ См.: *Россия на рубеже веков.* М, 2000. С. 19—27.

¹⁰ Лукавое стремление обойти запреты и отыскать удобные поведенческие ниши может быть обнаружено у людей всех времен и народов. В России в конце 90-х сложились специфические типы и структуры лукавого поведения, изменилось соотношение факторов, которые побуждают “кривить душой” и совершать сделки типа “делаем вид, что работаем, — дела-

ем вид, что платим". В общественном мнении отсутствуют жесткие разделительные линии, разграничивающие сферы одобряемого и неодобряемого поведения. Подробнее об этом см.: *Левада Ю. А.* Так же. С. 16—24.

¹¹ См.: *Горбатков А. А.* Позитивные и негативные эмоции? Взаимосвязь и ее зависимость от уровня субъективного развития индивида // Психол. жур. 2001. № 1. Т. 22. С. 61—71; *Изард К. Э.* Психология эмоций / Пер. с англ. СПб., 1999. С. 15—17; 426; *Яковлева Е. Л.* Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития // Вопр. психологии. 1997. № 4. С. 20—27.

¹² *Левада Ю. А.* Десять лет перемен в сознании человека // Обществ. науки и современность. 1999. № 5. С. 41.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Следует добавить, что на вопрос: “Если Вы подрабатываете, то связано ли это с Вашей специальностью?” 89 % опрошенных, т.е. абсолютное большинство, ответили положительно.

¹⁵ *Хайнлайн Р.* Чужак в чужом краю. Харьков, 1992. С. 235—236.

¹⁶ См.: *Фенько А. Б.* Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях // Психол. жур. 2000. Т. 21. № 1. С. 52—53.

¹⁷ Зеленая горячка // Власть. 1999. № 43. С. 48—51, 49.

¹⁸ См.: *Майерс Д.* Социальная психология / Пер. с англ. СПб., 1999. С. 207—210.

¹⁹ Более подробный анализ “долговременной и повторяющейся ситуации коллективного стресса” дан в специальном разделе книги И. Ф. Наумовой, предваряемом эпиграфом из М. Е. Салтыкова-Щедрина: “Что касается до меня лично, то я чувствую только одно: что история сдирает с меня кожу” (См.: Наумова И. Ф. Указ. соч. С. 16—18).

²⁰ См.: *Левада Ю. А.* Homo Post-Soveticus. С. 23.

²¹ *Муздыбаев К.* Феноменология надежды (статья первая) // Психол. жур. 1999. Т. 20. № 3. С. 24.

²² Справедливости ради, заметим, что степень “бедности” в опросах общественного мнения, как правило, несколько преувеличивается. Иное дело вопрос о том, какой ценой достигается “мало- и среднеобеспеченность”. Здесь все прозрачно: в большинстве случаев ценой интеллектуальных, эмоциональных и физических перегрузок.

²³ В социологической литературе констатируется, что социально-экономический тип образа жизни населения России еще не сложился и является переходным. И именно нестабильность общества сдерживает формирование цивилизованности. См.: *Рывкина Р. В.* Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социол. исслед. 2001. № 4. С. 32—39.

²⁴ См.: *Аврамова Е. М.* Социальная мобильность в условиях российского кризиса. С. 11—12.

²⁵ *Плискевич Н. М.* Российское общество в новых социологических исследованиях // Обществ. науки и современность. 2000. № 2. С. 33.

²⁶ В исследовании “Образ жизни преподавателей Воронежских вузов” не ставилось специальной задачи подтверждения данной типологии, выработанной ВЦИОМ в ходе изучения проблемы адаптивных способностей российского населения.